

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Страшные люди

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Страшные люди / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-99141-4

ISBN 978-5-519-99141-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Страшные люди.

I.

Жили мы въ Дербентѣ.

Нынче мирный и тихій—въ тѣ далекіе годы этотъ городъ былъ передовою русскою твердыней у величавыхъ и грозныхъ вершинъ воинственного, полуразбойничьяго-полурыцарскаго Дагестана.

Нашъ домъ прятался въ глухой татарской улицѣ, вверху,—такъ что большой зеленый куполъ «персидской мечети», когда я глядѣлъ въ окно, представлялся мнѣ внизу и такъ близко, что стоило только прыгнуть, чтобы очутиться на немъ. Порою по двору мечети медленно проходили важные муллы въ бѣломъ. Вѣтеръ съ горъ, долетая сюда, чуть-чуть шевелилъ большія деревья, выросшія надъ входомъ въ нее, въ камняхъ древней стѣны.

Нашъ балконъ тонулъ въ яркой зелени гранатниковъ. Раздраженно-красные цвѣты ихъ ласкали взглядъ, а громадная айва, точно благословляя мою кровлю, протягивала надъ нею густолистные вѣтви.

По ночамъ случалось просыпаться отъ бѣшеннаго крика и беспорядочныхъ выстрѣловъ, оторопью. Я такъ и зналъ: удалцы изъ Дювека,—лезгинскаго аула, висѣвшаго надъ Дербентомъ,—прорвались въ городскія улицы и подняли тамъ отчаянную суматоху. Утромъ подберутъ нѣсколько труповъ, и какъ потомъ окажется,—горцы увезли въ плѣнъ

какого-нибудь бека *) или утащили дѣвушку. Поговорятъ объ этомъ на базарахъ и забудутъ.

Бека,—если у родныхъ хватить средствъ,—выкупятъ, а молоденькую татарку все равно не вернешь,—она черезъ недѣлю уже далеко отъ Дювека. Лихіе барантачи **) продадутъ ее въ Чечню. Чечня—въ Кабарду, а въ Кабардѣ всегда были турецкіе скупщики для анатолійскихъ невольничьихъ рынковъ. Черезъ годъ, черезъ два родные, невѣдомо какими путями, узнаютъ, что ихъ Алсынъ, Гюль или Зюлейка благоденствуетъ гдѣ-нибудь въ Смирнѣ или Бруссѣ, а то и въ самомъ Стамбулѣ женою паши, ѣсть рись доотвала, толстѣетъ отъ розоваго варенья и медовыхъ шербетовъ, цѣлые дни проводитъ (верхъ блаженства для восточной женщины) въ баняхъ, шуршитъ шелковыми шароварами и не можетъ безъ улыбки вспоминать о скромной дарал ***), которую она носила въ праздничные дни дома.

Къ такой ночной «исторіи» всѣ привыкли; она никого не пугала, и стоило только подняться солнцу изъ-за лазури Каспійскаго моря, какъ смѣлые горожане преспокойно разбѣгались по окрестнымъ садамъ, за стѣны Александра Македонскаго. Я особенно привольно и легко себя чувствовалъ, бывало, когда громадныя и царственныя съ четырехугольными древними башнями, онѣ останутся позади, а передо мною въ свѣтѣ и зноѣ ласково и нѣжно заколышутся осыпанныя цвѣтами деревья татарскихъ загородныхъ хуторовъ. Весело и задорно журчатъ воды, проведенныя по канавкамъ. Богъ вѣсть въ какую старину вырыли ихъ,—такъ эти канавки остались до сихъ поръ. Лѣнивый потомокъ воспользовался только наслѣдіемъ про-

*) Бекъ—дворянинъ, помѣщикъ у татаръ.

**) Барантачъ—грабитель, отнимающій добычу большею частью вооруженной рукой.

***) Мѣстная дешевая ткань.

шлаго и отъ себя ничего къ нему не прибавилъ. Вонъ онъ подь какимъ-нибудь карагачемъ *) лежить себѣ на кубинскомъ коврѣ и жмурится, когда сквозь изумрудные листья пронижется солнечный лучъ, огнистый и горячій, и выхватитъ изъ сплошной тѣни громадный, загнутый внизъ, хищный, какъ у ночной птицы, носъ, или загорѣлыя, темныя щеки... Откуда-нибудь звенять струны, и слышится меланхолическая пѣсня. И тихо-тихо кругомъ. И голыя вершины горъ ясно, отчетливо и пустынно рисуются въ чистыхъ бирюзовыхъ небесахъ.

II.

Мой отецъ, старый боевой кавказецъ, какъ-то вернулся домой раньше обыкновеннаго.

— Я за тобой. Ты все мечтаешь о приключеніяхъ да читаешь глупые рыцарскіе романы. Хочешь увидѣть настоящаго рыцаря?

Меня такъ и обдало холодомъ.

— Гдѣ?

— Пойдемъ въ крѣпость. Заперли бѣднягу. Смотритъ изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ на синія горы и тоскуетъ.

— Ты про Сулеймана?—спросила мать.

— Да.

— Неужели его схватили?

— Вчера...

— Жалко! Вѣдь онъ твой кунакъ **)?

— Что же дѣлать. Слава Богу, не при мѣ. Я у него въ горахъ гостилъ не разъ. Въ бою взяли казаки. Отби-

*) Родъ сливнаго дерева.

**) Кунакъ—хорошій знакомый, пріятель.

вался отчаянно. Да Степовой ему сзади веревку на руки накинულъ,—ну, и скрутили. А то бы не дался живой.

Мы пошли.

Улицы—точно русла высохшихъ горныхъ потоковъ. Нужна была привычка ходить по нимъ. Изъ окрестныхъ двориковъ выглядываютъ глазастые татарчата, все мои пріятели, и я имъ по-ихнему кричу: «Сулеймана иду смотрѣть!» Кудлатые головенки исчезаютъ,—дѣти бѣгутъ передать эту поразительную новость матерямъ. Матери выскакиваютъ на балконы, прикрывъ лица бѣлыми чадрами, и долго глядятъ намъ вслѣдъ...

До крѣпости—добрыхъ полчаса; солнце жжетъ. Изъ-подъ арабской вязи фонтановъ журчитъ студеная вода,—я пью по пути и еще веселѣе бѣгу впередъ. Еще бы! Когда дождешься такого случая—увидѣть самого Сулеймана! Сулеймана, который былъ когда-то въ корпусѣ, ушелъ въ горы за годъ до производства въ офицеры, участвовалъ, по крайней мѣрѣ, въ пятидесяти набѣгахъ, а въ послѣднее время, уже набомъ *) у Шамиля, не побоялся пріѣхать прямо въ Тифлисъ къ главнокомандующему и намѣстнику Воронцову въ гости! Его отпустили съ честью, даже проводили до перваго лезгинскаго аула, и многіе, въ томъ числѣ мой отецъ, стали его «кунаками»; Сулеймана, дравшагося всегда впереди и отступавшаго послѣднимъ,—того самаго, про котораго наши ширванцы и апшеронцы **) говаривали: «Его не бойся, когда онъ падаетъ; берегись, когда уходитъ начнетъ. Ужъ очень огрызается! Такіе зубы показываетъ!»

Сулейманъ давно былъ моимъ героемъ, и я жадно слушалъ отцовскій рассказъ, какъ къ этому горному орлу они ѣздили въ гости въ его неприступное каменное гнѣздо на вершинѣ Шайтанъ-баира. Отецъ оставался у него не-

*) Наибъ—намѣстникъ какой-нибудь горной области.

**) Знаменитые полки на Кавказѣ.

дѣлю и вернулсѣ, взявъ обѣщаніе, что тотъ оплатитъ ему визитъ. Дѣйствительно, Сулейманъ, хоть голова его была оцѣнена, безоружный пріѣхалъ къ намъ въ Дербентъ и провелъ у насъ нѣсколько дней...

— Папа, отчего ты не прикажешь его выпустить?

— Нельзя... Въ бою взяли.

— А ты все-таки вели.

— Ты еще малъ и глупъ.

Можетъ быть, дѣйствительно, потому я никакъ и не могъ сообразить, какъ это человѣка, еще такъ недавно ласкавшаго меня, могутъ держать подъ замкомъ!

III.

Часовые отдавали честь. Билъ барабанъ. Откуда-то доносились пронзительные сигналы горниста. Я понималъ ихъ и собственнымъ напѣвомъ переводилъ на общій языкъ: «Колонна храбрая впередъ—дирекція направо!» Далеко по плацу маршировала куда-то рота, отбивая по-тогдашнему шагъ. Щелкали замки громаднхъ воротъ, скрипѣли ржавыя петли, съ глухимъ шумомъ отодвигались громадныя засовы. Начальники карауловъ браво подходили, становились во фронтъ и, глядя отцу въ глаза, рапортовали о томъ, что у нихъ все «обстоитъ благополучно».

Въ темныхъ коридорахъ пахло щами и только что испеченнымъ хлѣбомъ. Кашевары, которыхъ отецъ называлъ лодырями, прятались въ щели.

Мнѣ все это было знакомо, свое!

Я сюда бѣгалъ зачастую и безъ отца. Сначала онъ выводилъ меня отсюда за уши, потомъ и ему надоѣло,—бросилъ. Случалось, тянется солдатъ въ струну, встрѣчая отца, а въ мою сторону у него изъ-подъ сѣдыхъ, щетинистыхъ усовъ шевелится улыбка. У меня съ ними во-

дилась настоящая, большая дружба; мы съ полуслова понимали другъ друга и взаимно обмѣнивались услугами, какими могли. Когда варилась каша, я никогда не опаздывалъ къ ротному котлу, зато, въ свою очередь, снабжалъ пріятелей отцовскимъ табакомъ, и когда они, бывало, проштрафятся,—я сейчасъ же къ матери, и мы вдвоемъ подготовимъ отца такъ, что гнѣвъ его обходился пустяками.

Въ одномъ изъ крѣпостныхъ двориковъ я еще издали различилъ Сулеймана. Онъ сидѣлъ у стѣны и оттуда смотрѣлъ неотступно на родныя горы. У меня заняло сердце. Я побѣжалъ къ нему. Онъ меня узналъ и привѣтствовалъ грустной улыбкой... Очень она была и странна, и красива на худомъ, длинномъ и смугломъ лицѣ. Изъ-подъ черныхъ, густыхъ и сросшихся бровей зорко и смѣло смотрѣли горячіе каріе глаза, надъ небольшими усами загибался хищный носъ съ тонкими ноздрями. Онъ дрожали, когда Сулейманъ горячился. Станъ былъ тонкій, а плечи широкія, какъ это и полагается настоящему горцу; у него вѣдь подъ таліей должна свободно пройти кошка, если онъ ляжетъ на бокъ.

Онъ взялъ меня за плечо и удержалъ около. Отецъ пожалъ ему руку.

— Спасибо за ужинъ, а сегодня за чай.

— Тебѣ будутъ доставлять всегда отъ меня...

Сулейманъ кивнулъ головой. Благодарить было не за что. Кунакъ долженъ былъ поступить такъ.

— Я тебѣ пришлю бѣлья... Если надо—платье...

— И то, и это хорошо. У меня нѣтъ.

— Отъ души жалѣю, что встрѣчаю тебя здѣсь.

— Судьба! Сегодня—я, а завтра—ты. Каждому свой чередъ. Бѣдствія никого не обойдутъ. Такой порядокъ установилъ Аллахъ. Его воля. А только если бы я изъ этого боя вышелъ, ты бы меня и вовсе не увидѣлъ.

— Что такъ?

— Я собирался въ Турцію. Меня султанъ зоветъ въ Стамбулъ. А теперь...

— Надѣйся на милость намѣстника.

— Надѣюсь только на милость Аллаха и у людей не ищу ея, — сверкнулъ онъ горячими глазами.

Эти слова такъ и остались въ моей памяти.

— Я буду писать въ Тифлисъ...

— Не трудись, — ты только себѣ повредишь.

— Почему? — удивился отецъ.

— Потому что за меня вступаться теперь опасно.

— Ну, мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я поступаю такъ, какъ мнѣ велитъ совѣсть. Отчего ты отказался вчера дать слово, что не бѣжишь? Тебя бы не запирали.

— Если бы я далъ слово, я былъ бы или бабой, или глупцомъ.

— Почему?

— Не бѣжать, когда есть случай, — или подло, или глупо... а случаи бываютъ часто.

И онъ, наклонившись со стѣны, смѣрилъ взглядомъ бездну внизу.

Вершины деревьевъ тамъ казались отсюда кустиками, бѣлая дорога — ниточкой, а кровля татарскаго дома — крохотною ладонью... Вдохнулъ, обернулся къ отцу.

— Видишь? — указалъ онъ ему на западъ.

Тамъ изъ-за голыхъ вершинъ Дагестана, точно серебряная опрокинутая чаша, видна была громадная гора.

— Мнѣ кажется, я на ней различаю мою саклю... Теперь жена смотритъ сюда, и ей тоже чудится, что она видитъ меня... оттуда!.. Тамъ и вѣтеръ не такой, какой здѣсь... Вольный!.. Въ немъ просторъ и сила...

Заговорили обо мнѣ.

Онъ наклонился и зорко взглянулъ мнѣ въ глаза.

— У меня Исмаиль такой же. Нѣтъ, пожалуй, поменьше будетъ... хоть съ горы на всемъ скаку спускается.

— Это и я могу! — обидѣлся я.

— Ну, а кинжаломъ сумѣешь защищаться?

Я покраснѣлъ. Оружія мнѣ въ руки не давали.

— Вотъ видишь... А мой Измаиль недавно отъ чекалокъ отбился. Голодные были. Въ шесть лѣтъ мальчикъ долженъ уже оружіе носить. Ты попрежнему все за стѣны бѣгаешь гулять? Да? Боюсь, какъ бы тебя мои не захватили. Они теперь вокругъ Дербента, навѣрно, шныряють. Стыдно имъ вернуться въ аулъ безъ своего вождя... Вотъ тебѣ, впрочемъ...

Онъ снялъ съ пальца желѣзное кольцо.

— Носи на шеѣ, въ минуту опасности покажи горцамъ. Всѣ они знаютъ Сулеймана, знаютъ и мое кольцо... Скажешь, отъ меня получилъ, никто тебя не тронетъ.

Солнце стояло уже высоко.

На крѣпостномъ дворикѣ жгло.

Я видѣлъ, какъ съ горъ вдали спускалась партія джигитовъ. Впереди ѣхалъ кто-то съ треугольнымъ зеленымъ значкомъ, позади медленно гуськомъ — голова лошади въ хвостъ передней—слѣдовали всадники. Склоны, высланные колючкой баятъ-ханы, горѣли отъ ея цвѣтовъ нѣжно-лазоревымъ пламенемъ. По громаднымъ камнямъ стѣны Александра Македонскаго бѣгали зеленые ящеры. Вдали на башнѣ часовой—неподвижной между ея зубцами—казался цаплей.

Я спряталъ кольцо въ карманъ и ощупывалъ его по-минутно. Гордился имъ. Еще бы, отъ такого рыцаря, какъ Сулейманъ, получилъ!

— А я еще хотѣлъ къ тебѣ въ Дербентъ послать Измаила, чтобы онъ учился, пока я устроюсь въ Турціи.

— Очень бы радъ былъ!—отвѣтилъ отецъ.

— Пускай бы росли съ твоимъ сыномъ друзьями.

— Неизвѣстно, кто кому понадобится въ жизни.

— Всегда нужно имѣть на свѣтѣ преданное сердце и вѣрную руку.

IV.

Надъ Каспіемъ бываютъ удивительныя утра.

Все точно утопаетъ въ прозрачной лазури. И море, и небо... Гдѣ кончается одно, гдѣ начинается другое? Или моря нѣтъ совсѣмъ, и одно и то же небо обняло эти сизыя горы съ аметистовыми тѣнями и скалами?

Ребенкомъ, бывало, и то я не могъ насмотрѣться на эту красоту. Понятно, что въ праздникъ, когда отецъ діаконъ не приходилъ къ намъ учить меня «отъ сихъ и до сихъ», а опальный офицеръ изъ поляковъ не старался внушить мнѣ чисто-парижскій выговоръ, я забиралъ изъ дому побольше съѣстного и бѣжалъ за стѣны Дербента. Тамъ уже поджидали меня пріатели-татарчата, и мы немедленно устраивали войну: воздвигали крѣпости, штурмовали ихъ, дѣлали набѣги на окрестныя сады и, возвращаясь оттуда съ подбитыми глазами, чувствовали приливъ необыкновеннаго счастья.

Какъ-то послѣ свиданія съ Сулейманомъ, въ воскресенье, я пробрался, чрезъ брешь въ стѣнѣ и спугнулъ въ кучѣ щебня громадную змѣю. Точно длинный кнутъ, она, извиваясь, исчезла въ трещину. У меня въ памяти только и остался злой взглядъ ея изумрудныхъ глазъ. На назначенномъ мѣстѣ друзей не оказалось. Я одинъ отправился къ большимъ плитамъ, подъ которыми лежали безвѣстные кавказскіе герои. Вѣтеръ печально шевелилъ надъ ними всплывшую голубыми цвѣтами колючку баятъ-ханы, пестрая птичка охорашивалась въ сторонѣ, топорща крылышки и вся вздуваясь ершомъ. Издали лаяла собака, и въ безконечность ложилась внизу синева моря, пустыннаго, безлюднаго. Тогда судовъ на немъ было мало. Изрѣдка ползла татарская лодка или персидская рыбацья шкуна. Шелъ я, шелъ, добрался до заброшеннаго сада съ развалившеюся саклей и вдругъ остано-

вился, какъ вкопанный. Смотрю, въ тѣни тутоваго дерева стреножены лошади, не наши, не дербентскія. Тѣ привыкли къ чужимъ, а эти обернули ко мнѣ худыя, короткія морды, съ горящими, налитыми кровью глазами и точно спрашиваютъ: «Тебѣ чего?», продолжая жевать нарѣзанную передъ ними траву. Изъ сакли говорю, — я пошелъ туда смѣло. Какой-то коротконосый конь заступалъ копытомъ, кто-то крикнулъ, — какъ потомъ оказалось, въ вершинѣ шелковицы сидѣлъ сторожевой горецъ, — и изъ сакли мнѣ навстрѣчу выскочили смуглые длиннотелые люди въ овчинныхъ папахъ на бритыхъ головахъ. Замѣтили, что я одинъ, остановились и ждутъ. Я остановился тоже. Выступилъ одинъ, говорившій по-русски.

— Твоя какая будетъ?

— Я? А тебѣ что? Ты самъ откуда?

Горецъ засунулъ большіе пальцы за черный ременный поясъ, на которомъ болтался громадный въ черной кожѣ кинжалъ, и оправился.

— Ты баранчукъ?.. *)

Я заговорилъ по-татарски, хвастаясь, что я сынъ коменданта, и вовсе ихъ не боюсь, въ доказательство чего сейчасъ пойду къ нимъ. Совсѣмъ по выраженію глазъ хищныя птицы. Они переглянулись, безмолвно поняли другъ друга и потомъ заболтали разомъ, приглашая къ себѣ, а первый встрѣтившій меня озабоченно всматривался вдаль, видимо, занятый мыслью, дѣйствительно ли я одинъ или вру, и за мной идутъ другіе. Какой-то сѣдобородый съ хитрыми, прятанными въ щелки глазами горецъ даже присѣлъ на корточки и сталъ меня подманивать, до смѣшнаго, похоже на то, какъ у насъ птичница сзываетъ на кормъ цыплятъ.

Какъ я ни былъ малъ, но сейчасъ же понялъ, что это за люди.

*) Такъ они называли дѣтей офицеровъ.